

ИСТОРИЯ

К.А. Юдин

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИИ
интеллигентоведения при ФГБОУ ВПО
«Ивановский государственный университет»

Когнитивная история и применение информационно-когнитивного подхода к истории сталинизма в новейшей историографии

Данная статья¹ посвящена отдельным проблемам исторической эпистемологии. Автор предпринял попытку проанализировать сущность, познавательный потенциал информационно-когнитивного подхода, обратившись к фрагментам творческого наследия основоположника «когнитивной парадигмы» О.М. Медушевской, а также на конкретно-историческом материале коммунистической государственности периода сталинской диктатуры 1930-1950-х гг. оценить опыт и перспективы применения указанного подхода для исследования одной из ключевых и фундаментальных проблем исторической гносеологии – взаимоотношения между властью и обществом, интенсивности и направленности информационного обмена, структурированного специфическим контрольно-репрессивным институциональным инструментарием.

Ключевые слова: информационно-когнитивный подход, О.М. Медушевская, историческая эпистемология, сталинизм, политический контроль, цензура, информационная сегрегация.

Когнитивистика как направление изысканий в исторической сфере имеет неоднозначное происхождение. С одной стороны, это понятие достаточно новое, как правило, отражающее современные возможности, связанные с компьютерными технологиями, способами быстрой, комплексной аналитической деятельности, обработки информации. С другой стороны, когнитивный подход зародился независимо от искусственных операциональных инструментариев, как некий формат интеллектуальной активности, предполагающий тяготение к выведению общих тенденций, закономерностей, обнаружению постоянных – констант – в историческом процессе.

Тем самым, когнитивный подход – это историко-философская призма мышления, направленная на создание целостной картины восприятия. Это предполагает ответы на вопросы о феномене человеческого мышления, сознания в различных спектрах, ситуациях, условиях; когнитивная история – это наука о человеке мыслящем, творящем,

формирующим, тем самым, свою «вторую культуру», антропогенную, интеллектуальную реальность, отличную от естественной природы. Когнитивная история, фактически, становилась в этом контексте тождественной философия истории, «философией человеческого бытия в истории» [14, с. 163].

Крупнейшим представителем, фактически, основоположником когнитивного подхода в отечественной исторической науке является Ольга Михайловна Медушевская (1922-2007) – д.и.н., профессор, много лет работавшая в Историко-архивном институте (ныне РГГУ), крупнейший историк-источниковед, посвятившая свою жизнь сложным проблемам источниковедческой критики, которые она системно изложила в своей докторской диссертации, защищенной в 1975 г. «Теоретические проблемы источниковедения», а затем уже в поздней монографии «Теория и методология когнитивной истории». М., 2008. В 2012 году в РГГУ прошел круглый стол, посвященный 90-летию со дня рождения О.М. Медушевской,

участники которого поставили перед собой задачу комплексной оценки научного наследия Медушевской, обобщения основных век проделанного жизненного пути, экзистенциально-интеллектуального маршрута, связанного с теорией и методологией истории, источниковедением. Участники форума, продемонстрировали единодушие и солидарность в осознании особой призмы мышления Медушевской: источниковедение она понимала не просто как вспомогательную дисциплину, а как целую познавательную, гносеологическую культуру, умение приходить в соприкосновение с прошлым посредством взаимодействия с историческими источниками, извлекать из них сведения о социальных процессах, анализировать, критически оценивать их, опираясь на имеющиеся представления о степени информативности каждого вида источников.

Такая интеллектуальная стратегия рассматривалась как основа всего гуманитарного знания, его «новая философская парадигма» [17], структурированного с помощью информационно-когнитивной эпистемологии, т.е. теории источниковедческой гносеологии как спектра познания, позволяющего выявить непрерывную связь времен, установить цельность онтологического пространства. «Источниковедение, – подчеркивает О.М. Медушевская, – изучает не просто исторический источник. Оно изучает систему отношений: человек – произведение – человек. Эта триада выражает общечеловеческий феномен: один человек общается с другим не непосредственно, с помощью личного контакта, но опосредованно, с помощью произведения, созданного другим человеком и отражающего его личность» [13, с. 73].

Воззрения О.М. Медушевской, ее интерпретация исторического процесса сложилась под влиянием академика А.С. Лаппо-Данилевского, соединившего континентальный позитивизм, прагматичный подход к оценке реальности, воспроизводимой с помощью социологических методов и – историко-психологическое видение, позволяющее установить связь между частным и общим, обратившись к внутреннему миру человека, его мировоззрению, детерминированному различными факторами – социаль-

ной средой, статусом. Известное изречение Лаппо-Данилевского «исторический источник – реализованный продукт человеческой психики», в вербально-концентрированной форме отразившее ракурс восприятия прошлого, отношение к тем следам, которое оно оставляет, и взяла на «вооружение» О.М. Медушевская. Она усовершенствовала, развила его до масштабной теоретико-методологической призмы, предполагавшей специфическую интерпретацию исторической реальности, опирающуюся на выявленные еще классиком методологии источниковедения устойчивые параметры: эмпирическую данность источника (реализованного *продукта*), его *когнитивную универсальность*, исходящую от человеческой психики, отражающую, несмотря на индивидуальные особенности, общие знаки-символы, свидетельствующие о мотивах, намерениях, побуждениях, предшествующих конечному результату в виде итоговой формы, делающей его как тип продукта, доступного для изучения вне зависимости от временной дистанции, что открывает путь к системному знанию и воспроизводству траектории его накопления [5, с. 20-36].

Суть ее информационно-когнитивной теории можно изложить так. Любая деятельность человека, как интеллектуальное самовыражение, идеи, концепции, так и прямая материализация в виде произведений искусства, архитектуры, живописи и т.д. – вся эта деятельность, независимо от ее уровня, качества, интенсивности – оставляет после себя следы, треки, являющиеся продуктами, результатами жизнедеятельности. И эти следы в своей совокупности формируют информационное поле, или информацио-сферу, по аналогии с био- или ноосферой [14, с. 345-358]. Информационная сфера представляет собой динамичную систему обмена разного рода информацией между ее источниками – индивидами и всем социумом в целом. Причем это обмен носит метаисторический характер, это трансляция и восприятие информации разными поколениями, которая основывается на присущих ныне живущему, интеллектуально бодрствующему, так сказать, активному индивиду, воспринимать информационный ресурс, заключенный в продуктах – как в матери-

ально-вещественных, так и собственно интеллектуальных.

Это способности к расшифровке и дальнейшему «расширению» информационного потока путем прочтения всего объема заложенного знания на основании его минимальных координат-сигналов, символов, а также метод преобразования динамической информации – то есть складывающейся в процессе реального общения, или при ретроспективной реконструкции его протекания – в статическую – то есть зафиксированную на материальных носителях. Тем самым, весь исторический процесс – это движение во времени, в ходе которого осуществляется «когнитивная адаптация индивида» – освоение общих навыков коммуникации, речи, осуществления творческой инициативы как преобразования доступного информационного ресурса, понимания его универсальных параметров и использования их для дальнейшей трансляции. Это и есть, по Медушевской, опосредованный механизм информационного обмена – в том, что передача информации от одного поколения к другому не имеет характера непосредственного физического общения между людьми разных эпох, но идет через интеллектуальные продукты (вещи) [13, с. 411-420]. Например, с точки зрения этого подхода повседневность – это сбалансированная система информационного обмена со стабильным набором вещей [4, с. 85-97].

Однако, нельзя умолчать о серьезных недостатках когнитивистики как теоретико-методологической призмы, которая вызывает определенные замечания. Прежде всего, на наш взгляд, обращает на себя внимание ярко выраженный *сциентистический* характер когнитивной теории, необоснованные претензии на самодостаточность, холизм, функционально-понятийную синергетику. При этом за созданными абстрактными формулами нередко теряется вообще смысл происходящего. Так, О.М. Медушевская **критерием прогресса в истории видит усиление информационного обмена как такового**. Исходя из этого, целью исторической науки следует считать «выявление новой информации о феномене человека и человечества, жизненно необходимой ему для

определения перспектив своего места во вселенной, своей судьбы и путей выживания. Бесчисленные эксперименты индивидуальных судеб – это единственный реальный материал для осмысления феномена человека в мире живого, в мире планеты и вселенной» [21]. При этом, фактически, вытесняется на периферию вопросы качественного наполнения, характер этой информации, целесообразность ее получения и преобразования. Реальной целью становится *информация ради информации, замкнутый круг*. Достаточно привести одну цитату, прекрасно иллюстрирующую это. Так, в контексте когнитивной теории такое психологическое состояние человека, как скука интерпретируется следующим образом: *Скука – обратное психологическое состояние индивида, ощутившего спад информационной энергии*. [14, с. 345-358]

Таким образом, адептов теории в меньшей степени интересует содержание информации, все внимание сфокусировано на самом *процессе движения*, становления в бесконечной динамике – информационная энтропия, которая воспринимается как нечто естественное, данность, в которой все сосуществует по принципу *эпистемологической «предустановленной гармонии»* (Harmonia praestabilita) Г.-В. Лейбница.

При этом получается, что весь познавательный процесс, гносеологический опыт сводится лишь к эмпирическим играм, «бесчисленным экспериментам индивидуальных судеб», за рамками которых остаются ответы на вопросы о характере как априорном и имманентном духовном стержне человеке, составляющим ядро его личности и, соответственно, выступающим свидетельством идейно-сущностного облика, проявляющегося на протяжении всей жизни. У Медушевской же выявление *сущности* заменяется поиском некоего абстрактного «системообразующего свойства феномена человека». [14, с. 351] Хотя только спектр характеров как идеальных типов, а не наделенных «системными» свойствами, воспроизводимых во временном континууме в реальных носителях, и становится основанием для восхождения от частного, единичного к общему, выведению *истори-*

ко-философских умозаключений – закономерностей, тенденций.

Именно *идейно-теоретический* уровень, предполагающий критическое отношение к ушедшей исторической реальности, в буквальном смысле *экспертизу* форм бытия на предмет подлинного прогрессивного или наоборот – деструктивного, патологического содержания – вот что придает истории как науке статус «*magistra vitae*», а вовсе не механическая регистрация информационного потока и витков «новой информации о феномене человека и человечества». Все эти «витки» – не более, чем калейдоскоп, лишь иллюстрирующий известные данные, неизменную сущность человеческой натуры, когда, как выражается А. Шопенгауэр, «при каждом его (калейдоскопа) обороте видны те же камешки, только в других конфигурациях» [27, с. 346].

По сути, когнитивная парадигма Медушевской в ее, так сказать, ортодоксальном, чисто теоретическом выражении, без применения к конкретным историческим сюжетам, представляет собой неомарксистское концептуализирование – материалистическая диалектика в «идеалистической» оправе. Не случайно один из ее коллег, В.А. Муравьев, дал такую оценку творчеству Медушевской: «Ольга Михайловна была всегда воплощением нравственного выбора», она «никогда ни на йоту не изменила себе», а потому «ее почитали как символ настоящего Историко-архивного института, хранительницу его лучших традиций». «*Эта жизнь, – завершал он, – триумф идеализма над материализмом*» [24, с. 214-216].

В действительности же, если и можно говорить о «триумфе», то, скорее, гегелевского спиритуализма в новом формате, а отнюдь не идеализма. Разница заключается лишь в том, что «пьедестал» материи в процессе синергетического обновления онтологического пространства заняла информация как новая доминанта-идол, псевдосубстанция, «абсолютный дух» («информационная энергетика»), «истинность» и достоверность которой выводится из нее же самой, подтверждается каждым очередным этапом видоизменения и трансформации. По принципу такого герметического круговорота функционировала советская историографи-

ческая мысль, в конечном итоге, зашедшая в тупик. Как верно отмечал Ю.Н. Афанасьев, «единственным источником обогащения марксистской теории признавалась практика социалистического строительства в СССР и странах-сателлитах, т.е. то, что оценивалось как реальный опыт социализма. Круг сжимался: практика социалистических преобразований воспринималась как итог воплощения марксистско-ленинских идей, а идеи могли обогащаться только на основе данной практики...» [25, с. 33]. Подобный холизм, рассчитанный на очередной всплеск конъюнктурных «вызовов времени», в данном случае – всеобщей глобализации, стандартизации, в обслуживании которых видит дальнейшие перспективы применения когнитивной теории А.Н. Медушевский [15], имеет место и здесь. Перед нами типичная *прогрессистко-историцистическая методология*, «историософия» свершившегося факта – любой «интеллектуальный продукт» якобы является истинным и легальным только на том основании, что его появление – отражение преемственности общего информационного потока. Весь исторический процесс с этих позиций представлен как синтез трех направлений: антропологического [11, с. 15-20], поскольку существует возможность опираться на глобальное единство человечества, с его историко-антропологическими универсалиями, исторического [10, с. 25-49], поскольку каждая эпоха и ситуация включены в *эволюционное* целое исторического процесса; и, наконец, что существенно важно, – единства источниковедческой парадигмы, опоры на реализованные продукты целенаправленной деятельности – исторические источники [12, с. 9-10].

Дополнительным «аргументом» в защиту неприкосновенности информации и «когнитивной парадигмы», всего понятийно-терминологического аппарата по свидетельству племянника Медушевской – А.Н. Медушевского – служило пренебрежение к здравому смыслу и элементарной эрудиции, сравнение историков-профессионалов, скептически относящихся к изобретенным абстракциям с фобией фонвизинского недоросля, «здравый смысл» которого отрицал абстрактное понятие прилагательного

на том прагматическом основании, что дверь действительно прилагается – к стене дома» [19]. Такой редукционизм вряд ли является корректным и легко может быть обращен против самого самих сторонников, как удачно выразился Б.Н. Миронов, «новой апологии истории» [22,] в виде упрека в неофитстве. Резюмируя выше сказанное, остается добавить, что претензии на универсальное применение когнитивной теории и ее автономность как закономерный итог «смены парадигм» представляются сильно преувеличенными.

Осуществить замену традиционного исторического нарратива, связанного с полифоническим восприятием исторической реальности и ее материальных, духовных феноменов на информационную матрицу с жестко детерминированной интерпретацией не только невозможно, но и неправомерно. Такие атрибуты человеческой интеллектуальной деятельности, сознания, как мышление, поиск смыслов, память, речь, эмоции и их интенсивность не могут рассматриваться лишь как информационные резервуары разного уровня. Кроме того, не совсем ясно, почему и на каком основании теоретическое источниковедение должно стать основой гуманитарного знания, если критика источников как специализированная методика в профессиональной сфере историков, не знакома другим наукам /дисциплинам, развивающим свои способы прочтения текстов, с учетом особенностей отрасли знаний. Источниковедческая экспансия, а также превращение истории в «строго точную науку», подобно естественным, представляется столь же грандиозно-заманчивым, сколько маловероятно осуществимым проектом. Ибо достоверность фактов, эмпирического материала, верификация которых предшествует непосредственной реконструкции исторической реальности, несомненно, приводит к получению объективного знания о прошлом. Но тотальное отождествление естественных и гуманитарных наук, построение полностью «непротиворечивой концепции социального процесса» [14, с. 352] представляется вряд ли осуществимым и самое главное – правомерным. Реальные перспективы и познавательные возможности по проведению прогнозирования на ос-

новании компаративистской методологии вовсе не отрицают вариативность социально-исторического процесса, всегда приобретающего особое, специфическое, качественное наполнение сменяющих друг друга «фаз развития», несмотря на их внешнее подобие.

В то же время, мы несколько не оспариваем гносеологический потенциал информационно-когнитивного подхода, который представляется особенно перспективным при использовании его инструментария, понятийно-категориального аппарата применительно к конкретному социокультурному пространству – дореволюционной России (средневековой и новой истории), советской эпохе в ее идейно-политических конфигурациях: начальный, «ленинский период» – становление коммунистической государственности, период сталинской диктатуры, «позднего социализма» и т.п.

В зависимости от конкретно-исторической специфики структурируется движение информационных потоков, векторная устремленность которых начинает зависеть от той или иной идейно-политической матрицы и системы аксиологических координат. Речь идет о том, когда в целях укрепления интересов социальной группы, партии и так далее, осуществляется манипуляция информационными ресурсами, происходит создание искусственной ирреальности, намеренное конструирование «дискурса», становящегося единственной разрешенной матрицей мышления. Именно создание дискурсивной ирреальности и произошло после свершения октябрьской революции 1917 года, когда пришедшие к власти большевики взяли курс на построение нового, так называемого «коммунистического общества», строя. Это предполагало демонтаж, разрушение знаково-символической, ментальной сферы, олицетворявшей «старый» мир», весь социокультурный уклад которого был заклеен как «буржуазный», а поэтому регрессивный, реакционный; соответственно, предусматривалась радикальная замена всех ценностно-мировоззренческих ориентиров на идеологические установки, исходящие от коммунистической партии.

Тем самым, с помощью применения контрольно-репрессивных методов, агитационно-пропагандистского воздействия происходил социально-информационный конструктивизм. Максимального выражения он достиг в период сталинской диктатуры 1930-1950-х гг. А.Н. Медушевский в ряде публикаций [15,16,17,18, 20] убедительно аргументировал и раскрыл преимущества и перспективность применения информационно-когнитивного подхода не только к истории сталинизма, но и ко всей советской истории в целом. Сталинизм стал лишь квинтэссенцией, вершиной советского тоталитаризма, периодом апогея контрольно-репрессивной доминанты. Медушевский предлагает трактовать сталинизм как *систему, тяготеющую к установлению максимального контроля над информацией в целях целенаправленного манипулирования человеческими ресурсами* [20, с. 147]. А также конкретизирует его понимание с позиций ортодоксального представителя когнитивной теории: сталинизм понимается как реализованный продукт социального конструирования, основанного на ложных когнитивных предпосылках» [20, с. 165]. Ключевыми параметрами анализа при таком подходе становятся: особенности формирования информационной картины мира и методы ее проектирования, внешние и внутренние сигналы, определяющие информационно-коммуникативные процессы в системе на разных этапах ее существования; масштабы, параметры, цели социального конструирования; информационная сегрегация общества как основа для манипулирования, конструирование идентичности и факторы ее определяющие. Далее – это социальная адаптация и рычаги управления мотивацией поведения; норма и девиация (отклонение) в когнитивной адаптации индивида. Советская государственность и вообще социокультурная реальность понимается как особая информационная система, с помощью искусного управления которой большевикам удалось осуществить насаждение коммунистической идеологии, для которой в буквальном смысле отвоевывалось место с помощью информационно-политической стратегии. Этот процесс «модернизации» осуществлялся с помощью пе-

рестройки пространственно-временных, онтологических координат, что предполагало *«тройственную узурпацию»*.

1) *Узурпация пространства* выражалась в его искусственном комбинировании. Внедрялись в сознание масс идеологические представления о географических границах системы и их динамике. Это выражалось в таких понятиях, как «мировая революция», «построение социализма в отдельно взятой стране», идеологеме, призывавшей к «развернутому наступлению социализма по всему фронту», заключавшей в себе сигналимператив к «обезвреживанию» (высылки в специализированные резервации, лагеря, депортации) всех «чуждых элементов», образ жизни которых объявлялся не совместимым с грандиозными целями «социалистического строительства».

2) *Узурпация смысла бытия*. С этих позиций решалась проблема смысла бытия, сводившегося после октябрьской революции к борьбе за переустройство общества на основе партийных установок, происходила подмена онтологии – партийной догматикой. Это предполагало вытеснение все иных конкурирующих информационных координат – религиозных, частно-мировоззренческих, индивидуально-личностных приоритетов, и создания механистическо-прагматической системы ценностей, а также выстраивание жестко детерминированной модели поведения, навязывание интеллектуальной, духовной активности в строго отведенных пределах, ограничивающихся марксистско-ленинской теорией и ее текущей интерпретацией, исходящей от последнего решения, постановления партийных органов. Выстраивалась телеологическая картина, четкое целеполагание, все бытие мыслилось как линейно-односторонний процесс, движение от «темного прошлого» к «светлому будущему».

3) *Узурпация времени* или, как выражается Медушевский, – «темпорального пространства». Конструирование времени имело целью разрыв в исторической преемственности – уничтожение нежелательных воспоминаний, или, наоборот, восстановление, акцентуация на тех воспоминаниях, личностных или фрагментов коллективной памяти, которые оказывались полезными в

изменившихся условиях. Ключевое значение имел конфликт между «живой информацией», естественным восприятием реальности и фиксированной обработкой, оценкой в ходе реализации «революционных проектов». Тем самым, происходило отчуждение информационного ресурса – замены исторической памяти на иллюзорную картину «коммунистического будущего» [20, с. 149].

Формирование советской, коммунистической системы происходило с помощью сложного сочетания техник социально-информационного конструктивизма – это генерирование образа «нового человека», ресоциализация, перевоспитание, ценностно-мировоззренческая перезагрузка, целенаправленное инспирирование конфликта между старым, реакционным миром «боли и эксплуатации» и новой, прогрессивной реальностью.

Преимущество и сила Сталина как лидера, а также жизнеспособность созданной им системы управления и контроля заключались в способе взаимоотношений со всеми ее элементами лично-персонального и институционального порядка. Сталинский режим функционировал как *неопатримониальная диктатура* [26, с. 8], некая «матрица» патрон-клиентских связей разного уровня и дистанции между центром (вождем) и локально-периферийными структурами – областными, краевыми, республиканскими партийными и советскими организациями, органами государственной безопасности, цензуры и т.п. Исполнительная активность этого разветвленного аппарата, готового реализовать даже самое абсурдное и жестокое директивы, что и произошло в годы «большого террора», во время послевоенных идеологических кампаний, приводилась в действие за счет *психополитической манипуляции*, включавшей два основных противоположных по модальности стимула, когнитивных импульса очерчивающих диапазон возможного (дозволенного) поведения:

1) Признавалось право на определенную порцию самостоятельности и даже откровенный произвол в «своей нише», предоставляемый руководителям того или иного ведомства. Типичный пример этого –

поощряемая «сверху» инициатива начальников региональных управлений НКВД в установлении дополнительных «лимитов» на аресты «контрреволюционных элементов», в тщательном выявлении которых соревновались все институциональные фигуры, подхватывая передаваемую эстафету на силовой приоритет и реализацию властных амбиций, причем для некоторых сталинских ставленников по причине субъективной, исходящей только от вождя благосклонности, предоставлялись долгосрочные полномочия. Достаточно вспомнить стабильность карьерного роста некоторых крупных партийных лидеров, например, первого секретаря ЦК компартии Азербайджана М.Д. Багирова, управлявшего своей «вотчиной» целых 20 лет, с 1933 по 1953 гг., несмотря на никогда не ослабевавшую по интенсивности борьбу с «местническими уклонами», «семейственностью и групповщиной», объявленными на февральско-мартовском пленуме 1937 г. одними из самых опасных пороков партийной жизни, выступающих симптомом контрреволюционного поведения высшего типа – «фракционного оппортунизма». Таким образом, создавалась «иерархическая диктатура», которая, как считает П. Грегори, «представляла собой поле битвы между начальством и подчиненными, в которой начальник (диктатор) применял силу и принуждение по отношению к своим подчиненным, чтобы ограничить их оппортунистическое поведение» [3, с. 340].

2) Генерировалась обстановка, которую можно обозначить как эффект турбулентности – перманентной военно-мобилизационной активности. Вся вертикаль власти, начиная от рядовых членов партии и заканчивая Политбюро, существовала в напряженном «режиме ожидания» очередного непредсказуемого вмешательства вождя, которое могло моментально разрушить весь привычный личный, ведомственный «микроклимат». Именно *энтропия*, «контролируемый хаос», целенаправленное распыление социальной энергии в нужном направлении посредством манипуляции информационными потоками, что позволяло менять оперативно менять полярность оценок действительности, – это и

составляло сущность сталинской диктатуры, представляющую собой комбинацию антиномий – порядка и произвола, насилия и искреннего энтузиазма, истины и лжи – правдоподобия, частной, временно вводимой «переменной», транслируемых через «партийный дискурс».

Важным инструментом выстраивания информационной монополии, выступала *социальная мобилизация* как специализированный метод политического контроля, заключающийся в ускоренном обновлении когнитивных целей и задач, связанных с обеспечением потребностей режима левого типа по радикальному, экстенсивному расширению материальной базы «социализма», а также в создании иллюзии движения вперед, «прогресса», сводившегося к выполнению очередного партийно-государственного императива. Как справедливо полагает С.А. Красильников под *социальной мобилизацией* следует понимать «целенаправленное воздействие институтов власти на массы, основанное на подавлении или искажении свободных и рациональных предпочтений, мотиваций и действий отдельных индивидов и групп для приведения социума в активное состояние, обеспечивающее поддержку и реализацию целей и задач, объявляемых приоритетными и признаваемых общественным большинством» [6, с. 150].

К числу подобных акций, иницилируемых правящим, в данном случае советским, сталинским режимом, следует отнести идеолого-пропагандистские кампании различного уровня – это денежные «мобилизации» – займы на индустриализацию, избирательные кампании, обсуждение конституционных проектов, кампании по ликвидации неграмотности, борьбы с «антисоветскими, контрреволюционными проявлениями» – «безродным космополитизмом», правыми уклонами и «левыми загибами», судебные процессы, в рамках проведения которых требовалась манифестация «воли масс». Советская периодическая печать изобиловала пафосно-патетическими заголовками, демонстрирующими информационно-политическое «единодушие» народа и власти, когда рабочие той или иной фабрики или завода требовали уничтожить «кровавых псов фашизма», беспощадно разда-

вить «троцкистскую гадину», «стереть с лица земли шайку презренных убийц и шпионов», «расстрелять гадов» [7] и так далее. Лексика, *лигвистический дискурс* сталинизма также играл существенную роль в информационном контроле, что зафиксировано в историографии [9]. К числу методов информационно-политического конструирования исследователи относят общую *политизацию повседневности*, что подразумевает под собой когнитивные установки на восприятие всей обыденной жизни как арены идейно-политической борьбы с потенциальными, тщательно маскирующимися во внутривластной среде «врагами», «двурушниками», «шпионами-диверсантами». С политизацией повседневности связано и формирование особого «семиотического пространства», складывавшегося из монологичной топонимической заданности, выражающейся в переименовании городов, улиц в честь лево-социалистических деятелей, участников революционного движения. Причем этот процесс носил взаимообратный характер, когда имена «опальных» лидеров, объявлявшихся «врагами народа», целенаправленно предавали забвению. Классическим пример – судьба бывшего наркома внутренних дел Н.И. Ежова, образ которого исчез с фотографических композиций, а ряду административно-территориальных единиц были возвращены или исторические названия, или присвоены имена сохраняющих своей полноценный статус членов сталинской «команды». Ответвлением общей политизации повседневности, ее видовым структурным компонентом отечественные исследователи выделяют *публичность частной жизни* [1, с. 38], что выражалось в перманентном вмешательстве в приватное информационное, духовное пространство с помощью налаженного мониторинга за семейным положением, статусом родственников, принудительным вынесением на коллективное обсуждение, на заседаниях парткомов, партийных активов, вопросов о «моральном облике» коммуниста или беспартийного.

Соблюдение *партийной этики*, в сферу которой включалась не только модель поведения во время исполнения служебных обязанностей, но и в свободное время, вы-

ступало важным индикатором «политической благонадежности» советского гражданина. Лица, которым инкриминировалось «моральное разложение», «бюрократическое перерождение», «самоснабжение» (шкурничество) и «самоуспокоенность» (симптом аполитичности), или наоборот чрезмерно усиленное рвение – мелочное администрирование («комчанство») – с наибольшей степенью вероятности могли стать объектами применения репрессивных мер. Практическое отождествление «морально разложившихся элементов» с «социально чуждыми» предусматривалось и Уставом партии [8, с. 133]. Поэтому неудивительно, что одним из ведущих направлений деятельности известного учреждения внутрипартийного профиля – Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) был надзор за состоянием «партийной этики», проступки в сфере которой рассматривались как первичный компрометирующий материал, использовавшийся предельно широко и универсально: известно, что отягчающим обстоятельством при выдвижении обвинений против самого ответственного секретаря партколлегии КПК по Ивановской области А.Ф. Витковского послужили сведения о том, что он «гулял с гражданкой, дело которой ранее разбиралось в КПК». [28, с. 201].

Тем самым, информационное пространство превращалась в динамическую ирреальность, подверженную постоянному обновлению, изменению конфигурации, модальности «поток» сведений и так далее. В наибольшей степени это прослеживается на примере эффективного воздействия еще одного метода контроля, такого, как *цензурная практика и ее специфической формы – политической цензуры*. Под последней отечественные исследователи понимают «систему действий и мероприятий, направленных на обеспечение и обслуживание интересов власти, представляющую собой структурную и внеструктурную деятельность, не всегда обеспеченную законодательно и нормативно» [2, с. 11-12]. С позиций информационно-когнитивного подхода цензурную деятельность, имеющую богатые исторические традиции, ведущие свое происхождение от различных типов

государственности, сущности режимов, определявшими в соответствии с устанавливаемыми ими идеологическими координатами, сферу «дозволенного» и «недозволенного» / запрещенного, можно рассматривать еще более масштабно.

Цензура на метаисторическом уровне выступает основополагающим инструментом структурирования информационного пространства и всей интегральной «информационной сферы», непрерывно пополняемой новыми следами, треками – продуктами человеческой жизнедеятельности. Эта функция цензуры заключается в субъективном (исходящем от как от режима, так и от лиц, которым он делегирует специальные полномочия) искажении информационного поля, приобретающее следующие формы-результаты 1) целенаправленное изъятие той или иной информации, которая, тем самым, выпадает из общего «потока» 2) нарушение внутренней композиции, первичной и оригинальной идеи интеллектуального продукта, как на стадии создания, так и применительно к его конечному облику.

Вследствие этого наступает «*когнитивная инверсия*», заключающаяся в деформации восприятия, познания сущности того или иного произведения, творческой «лаборатории», утрачивавших в ходе цензурирования (предварительного или последующего) некоторые свои изначальные атрибуты. Подобный эффект наступает и в результате «узурпации времени», что в данном случае предполагает трансформацию гносеологической ценности «информационного продукта» при наличии искусственно возведенных барьеров для своевременной публикации (обнародования).

Таким образом, мы видим, что информационно-когнитивный подход при его благоразумном, очищенном от крайностей абсолютизации в применении, связанных со стремлением придать «информационной сфере» статус некоего синергетически обновляющегося резервуара при недооценке важности осмысления *характера, сущности* этой информации, целесообразности ее появления и дальнейшего распространения, имеет солидные перспективы и может использоваться при изучении различных аспектов межличностного и государственного взаимодей-

ствия, институциональных практик как ведущих факторов, влияющих на содержание информационного пространства.

А сам опыт тоталитарных режимов не только ставит под сомнение накопление информации *в количестве* отношении как признак «прогресса в истории», но, скорее, напротив, указывает на глубокую ложность и иллюзорность этого понятия, поскольку материальное, информационное обеспечение и аккумуляция тех или иных продуктов жизнедеятельности человечества, вовсе не свидетельствует и, главное, *не* выступает гаран-

том качественных изменений в его моральном, духовном облике, являющимся подлинным признаком прогресса, особенно, если человек постулируется как высшее, разумное существо, несущее ответственность за свои деяния. Простой же констатации, признания иерархии и диалектической связи между подлинным, «первичным», творческим, основанным на «обучении методу» и «вторичным» (транслированным) знанием [23] для решения этого фундаментального вопроса недостаточно.

Библиографический список:

1. Володина Н.А. Становление и развитие советской системы политического контроля в 1917-1953 гг. (На примере Среднего Поволжья). Автореферат дисс. д.и.н. М., 2010.
2. Горяева Т.П. Политическая цензура в СССР. 1917-1991 г. М., 2009.
3. Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М., 2008.
4. Интеллектуальная культура современной историографии. М., 2006.
5. Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания. М., 2002.
6. Красильников С.А. Социальная мобилизация как системная характеристика сталинского режима: природа, форма, функции // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5-7 декабря 2008 г. М.: РОССПЭН, 2011
7. Красноярский рабочий. 1937. 9 сент. // <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/KP/3/06.htm>
8. КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 6. М., 1985.
9. Лассан Э.Р. Дискурс большого террора: риторические средства и «лингвистический терроризм» // История сталинизма: Жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий: материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 18-20 октября 2012 г. М: РОССПЭН, 2013. С. 166-174.
10. Медушевская О.М. Вещь в культуре: источниковедческий метод историко-антропологического исследования // Российско-французский центр исторической антропологии им. Марка Блока. Программы курсов. М.: РГГУ, 2002.
11. Медушевская О.М. Историческая антропология и антропологически ориентированная источниковедческая концепция: интеграция исследовательской и образовательной программ // Российско-французский центр исторической антропологии им. Марка Блока. Программы курсов. М.: РГГУ, 2002.
12. Медушевская О.М. Послевузовское образование в РГГУ: концептуальные основания // Образовательная программа в аспирантуре РГГУ. Материалы к заседанию Ученого совета РГГУ 25 июня 2002 г. М., 2002.
13. Медушевская О.М. Теория исторического познания: избранные произведения. СПб., 2010.
14. Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008.
15. Медушевский А.Н. Аналитическая история // Отечественная история. 2008. № 5. С. 3-18.
16. Медушевский А.Н. Когнитивно-информационная теория в современном гуманитарном познании // Российская история. 2009. № 4. С. 3-22.
17. Медушевский А.Н. Когнитивно-информационная теория как новая философская парадигма гуманитарного познания // Вопросы философии. 2009. № 10. С. 70-92.
18. Медушевский А.Н. Когнитивно-информационная теория в философии,

истории и антропологии // Человек: образ и сущность. Когнитология и гуманитарное знание. М., 2010. С. 226-250.

19. Медушевский А.Н. Ольга Михайловна Медушевская: интеллектуальный проект // Медушевская О.М. Пространство и время в науках о человеке: Избранные труды - М.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. Доступно на: <http://old-rus-maps.ru/05-BOOKS/Meduchevskiy-2013.htm>
20. Медушевский А. Сталинизм как модель. Обзорение издательского проекта «РОССПЭН» «История сталинизма» // Вестник Европы. 2011. Том. XXX.
21. Медушевский А.Н. Теория когнитивной истории и формирование научной картины мира. Часть 2. Доступно на: http://ivid.ucoz.ru/publ/medushevskaja_90/om_medushevskiy_p2/15-1-0-119
22. Миронов Б.Н. Новая апология истории (размышления над книгой О.М. Медушевской) // Общественные науки и современность. 2011. № 1. С. 139-148.
23. Образ науки в университетском образовании: материалы XVII научной конференции. Москва, 27-29 января 2005 г. М., 2005. С. 8-19.
24. Памяти Ольги Михайловны Медушевской // Отечественная история. 2008. № 3.
25. Советская историография. М., 1996.
26. Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011.
27. Шопенгауэр А. Собр. соч. в 6 тт. Т. 5.
28. Юдин К.А. Внутрипартийный контроль в СССР 1930 – начала 1940-х гг. Иваново, 2015.

© Юдин К.А., 2015.

ⁱ Статья подготовлена в рамках государственного задания Минобрнауки РФ на проведение научно-исследовательской работы № 33.526.2014/К «Российская интеллигенция и европейские интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности XX – начала XXI в.: виртуальность и реальность».